

Александр Герцен

О РАЗВИТИИ
РЕВОЛЮЦИОННЫХ ИДЕЙ
В РОССИИ

T8 RUGRAM

УДК 82-95
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Г41

Герцен, А.

Г41 О развитии революционных идей в России / А. Герцен. — М. : Т8 RUGRAM, 2019. — 254 с.

ISBN 978-5-521-76615-4

Александр Иванович Герцен (1812–1870) — публицист, писатель, философ XIX века, либерал, сторонник революционных преобразований, один из виднейших критиков официальной идеологии и политики Российской империи.

«О развитии революционных идей в России» — уникальная работа, в которой наиболее полно раскрывается историческая концепция автора путем целостного и разностороннего освещения истории России от древнейших времен до середины XIX века, а также истории развития русского освободительного движения и передовой мысли. Это произведение по праву занимает особое место среди произведений русских революционеров-демократов, исследовавших вопросы развития и возможных перемен в Российской империи.

УДК 82-95
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
FIC000000

ISBN 978-5-521-76615-4

© Т8 RUGRAM, оформление, 2019
© Т8 Издательские технологии, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

О РАЗВИТИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ИДЕЙ В РОССИИ	5
Введение	9
I. Россия и Европа	23
II. Россия до Петра I.....	29
III. Петр I	53
IV. 1812–1825.....	85
V. Литература и общественное мнение после 14 декабря 1825 года	107
VI. Московский панславизм и русский европеизм.....	137
Эпилог	163
Прибавление О сельской общине в России	175
ПРОИЗВЕДЕНИЯ 1851–1852 ГОДОВ	183
Посвящение	185
Русский народ и социализм.....	187
Михаил Бакунин	233
Беру вас в судьбу... ..	249
В редакцию «Neue Zürcher Zeitung».....	251

**О РАЗВИТИИ
РЕВОЛЮЦИОННЫХ
ИДЕЙ В РОССИИ**

*Посвящается нашему другу
Михаилу Бакунину*

ВВЕДЕНИЕ

*Dich stört nicht im Innern
Zu lebendiger Zeit
Unnützes Erinnern
Und vergeblicher Streit¹.*

Goethe

...Я уезжал из России в середине студеной снежной зимы узким проселком, которым редко пользуются — служил он только для сообщения между Псковской губернией и Лифляндией. Эти две соседние области, мало связанные друг с другом и недоступные всякому внешнему влиянию, представляют контраст столь обнаженный, мы сказали бы даже столь преувеличенный, какого нигде больше не найти.

Это — распахка нови рядом с погребением, это — канун, соприкасающийся с завтрашним днем, это — трудное зарождение и тяжкая агония. Здесь все пахнет известью, ничто не dokonчено, ничто не готово для жилья, всюду строительный лес, голые стены; там — все пахнет плесенью, все разрушается, все становится нежилым, всюду трещины, обломки, мусор.

Среди заснеженного ельника, на широких равнинах вдруг возникали русские деревеньки, четко выделяясь на ослепительно белом фоне. Вид этих убогих сельских общин таит в себе что-то, глубоко меня волнующее. Домишки жмутся друг к другу, предпочитая

¹ В твоём существовании, полном жизни, тебя не смущают ни бесполезные воспоминания, ни бесплодные споры (нем.).

вместе стореть, нежели разбрестись во все стороны. За домами теряются в бесконечной дали поля, без плетней и оград. Избушка — для человека, для семьи: земля — для всех, для общины.

Крестьянин, живущий в этих домишках, — все в том же сложении, в каком застигли его кочующие полчища Чингисхана. События последних веков пронесли над его головой, даже не заставив его задуматься. Это промежуточное существование — между геологией и историей. У этой формации свой особый характер, образ жизни, физиология, но нет биографии. Через каждые два-три поколения крестьянин вновь отстраивает свою избенку из елового леса, которая, мало-помалу разрушаясь, пропадает так же бесследно, как и сам крестьянин.

Заговорите, однако, с ним, и вы тотчас же увидите, закат ли это жизни или детство, варварство ли это, следующее за смертью, или варварство, предшествующее жизни. Но с самого же начала говорите с ним его языком, успокойте его, покажите, что вы ему не враг. Я очень далек от того, чтобы порицать русского крестьянина за его робость перед цивилизованным человеком. Цивилизованный человек, которого он знает — это ли его помещик, или чиновник. И крестьянин чувствует к нему недоверие, смотрит на него угрюмым взглядом, низко ему кланяется и отходит подальше; но он его не уважает. Он робеет не потому, что видит в нем существо высшего порядка, он робеет перед неодолимой силой. Он побежден, но он вовсе не лакей. Его суровый демократический патриархальный язык не прошел науку передних. Мужественная красота его сохрани-